

Глава 1: 246

— *Отощаешь, — шепчет Уильяму Халлеку старый цыган с гниющим носом, когда Халлек с женой Хайди выходит из здания суда. Всего одно слово, донесшееся с дуновением приторно-сладкого старческого дыхания. — Отощаешь. — И прежде чем Халлек успеваает отпрянуть, старый цыган тянет руку и гладит его по щеке скрюченным пальцем. Его рот раскрывается темной раной, обнажая остатки зубов, что торчат, как надгробные камни, из десен — черные на зеленом. Между ними, извиваясь червем, просовывается язык и облизывает губы, искривленные в горькой усмешке.*

Отощаешь.

Воспоминание вернулось к Билли Халлеку неспроста, когда он в семь утра, с полотенцем, обернутым вокруг бедер, встал на весы. Снизу доносились аппетитные запахи яичницы с беконом. Ему пришлось вытянуть шею и чуть наклониться вперед, чтобы увидеть цифры в окошке весов. Ну... если по правде, то наклониться пришлось не чуть-чуть. Очень даже изрядно пришлось наклониться. Он был крупным мужчиной. Слишком крупным, как ему с радостью сообщил док-

тор Хьюстон. *Если тебе еще не говорили, так я скажу, объявил Хьюстон на последнем осмотре. У человека с твоими доходами, привычками и комплекцией вероятность инфаркта становится весьма ощутимой годам к тридцати восьми, Билли. Тебе надо худеть.*

Но нынче утром его ждал приятный сюрприз. Он сбросил три фунта*, с 249 до 246.

Ну... если по правде, когда он отважился встать на весы в прошлый раз, они показали 251, но тогда он был в брюках, и в карманах лежала мелочь, и брелок с ключами, и его армейский складной нож. К тому же весы в верхней ванной всегда завывшали вес. В этом он был уверен.

Он вырос в Нью-Йорке и еще в детстве где-то услышал, что цыгане обладают даром предвидения. Может, это и есть доказательство. Он попробовал рассмеяться, но сумел выдать только жалкую, неубедительную улыбку; рановато еще смеяться на тему цыган. Время пройдет, все уляжется, и тогда можно будет и посмеяться; он был достаточно взрослым и понимал, что к чему. Но сейчас ему делалось дурно при одной только мысли о цыганах, и он всем сердцем надеялся, что никогда больше не встретится ни с кем из них. Отныне и впредь он будет воздерживаться от шуточных гаданий по руке на вечеринках и ограничится спиритической доской. Да и то вряд ли.

— Билли? — донеслось снизу.

— Иду!

Он оделся, заметив с почти подсознательным раздражением, что, несмотря на три сброшенных фунта, брюки по-прежнему давят ему на живот. Сорок два

* 1 фунт равен 0,45 кг, то есть 249 фунтов — это приблизительно 113 кг. — *Примеч. ред.*

дюйма* в объёме. Он бросил курить ровно в 00:01 в первый день наступившего года, но за это пришлось заплатить. Ещё как пришлось! Он спустился на кухню с расстегнутым воротничком и неповязанным галстуком. Линда, его четырнадцатилетняя дочь, как раз выбегала за дверь в вихре взметнувшейся юбки и длинных волос, собранных в хвост и скрепленных сегодня утром очень даже сексапильной бархатной лентой. Учебники она держала под мышкой. В другой руке деловито шелестели ее яркие чирлидерские помпоны, белые с фиолетовым.

— Пока, пап!

— Счастливо, Лин.

Он уселся за стол и взял «Уолл-стрит джорнэл».

— Любовь моя, — сказала Хайди.

— Моя дорогая, — с чувством проговорил он и отложил газету.

Она поставила перед ним завтрак: дымящуюся горку омлета, сдобную булку с изюмом, пять кусочков жаренного до хруста бекона. Хорошая, сытная еда. Хайди уселась напротив него и закурила «Вантидж-100». Январь и февраль выдались напряженными: слишком много «бесед по душам», а по сути замаскированных ссор, слишком много ночей в постели спиной к спине. Но они пришли к *modus vivendi*** : она перестала высказываться насчет его лишнего веса, он перестал возмущаться из-за ее полутора пачек сигарет в день. Так что весна получилась вполне неплохой. Помимо их перемирия были еще и другие приятные моменты. Напри-

* 1 дюйм равен 2,5 см, то есть 42 дюйма — это приблизительно 107 см. — *Примеч. ред.*

** Дословно в переводе с латыни: «способ существования». Соглашение, позволяющее конфликтующим сторонам сосуществовать в мире. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

мер, Халлек получил повышение. Фирма «Грили, Пеншли и Киндер» теперь называлась «Грили, Пеншли, Киндер и Халлек». Мать Хайди наконец-то исполнила свою давнюю угрозу и вернулась в Виргинию. Линду все-таки взяли в чирлидеры запасного состава школьной команды, что стало для Билли большим облегчением; временами ему начинало казаться, что непрерывные истерики Линды доведут до нервного срыва его самого. В общем, все шло прекрасно.

А потом в город приехали цыгане.

«Отощаешь», — сказал старый цыган, и что, черт возьми, было у него с носом? Сифилис? Рак? Или что-то уже совсем жуткое вроде проказы? И кстати, может быть, уже хватит об этом думать? Давно пора успокоиться и забыть.

— Все еще думаешь об этой истории? — внезапно спросила Хайди — так внезапно, что Халлек подпрыгнул на стуле. — *Билли, ты не виноват.* Судья так сказал.

— Нет, я думал совсем о другом.

— И о чем же ты думал?

— Тут в газете написано, — сказал он, — что в этом квартале жилищное строительство снова пошло на спад.

Да, он не виноват; судья так сказал. Судья Россингтон. Для друзей — просто Кэри.

Для друзей вроде меня, подумал Халлек. Сколько партий в гольф сыграно со стариной Кэри Россингтоном, Хайди, тебе это хорошо известно. На встрече Нового года два года назад, когда я собирался бросить курить, но так и не бросил, кто прихватил тебя за грудь — да, соблазнительную, кто бы спорил — во время традиционного новогоднего поцелуя? Угадаете, кто? Ну, конечно! Старина Кэри Россингтон, чтоб мне провалиться!

Да. Старина Кэри Россингтон, перед которым Билли провел более дюжины муниципальных судебных дел. Старина Кэри Россингтон, с которым Билли не раз играл в покер в клубе. Старина Кэри Россингтон, который не взял самоотвода, когда его добрый приятель, партнер по гольфу и покеру Билли Халлек (иногда Кэри хлопал его по спине и кричал: «Ну что, все торчком, Большой Билл?») предстал перед ним на суде не для того, чтобы обсуждать тонкости муниципальных законов, а как ответчик по делу о непреднамеренном убийстве в результате ДТП.

И когда Кэри Россингтон не взял самоотвод, кто сказал «бу», детишки? Кто во всем славном городе Фэрвью выразил свое «фи»? А вот и никто! Никто не сказал «бу»! В конце концов, кто такие истцы? Собирище грязных цыган. Чем скорее они уберутся из Фэрвью на своих старых микроавтобусах с наклейками Национальной стрелковой ассоциации на бамперах, чем скорее мы увидим задние фары их обшарпанных автоприцепов, тем лучше. Чем скорее, тем...

...тощее.

Хайди затушила окурок в пепельнице и сказала:

— К черту твое жилищное строительство. Все-таки я хорошо тебя знаю.

Да, пожалуй, подумал Билли. И еще он подумал, что она тоже не может выбросить из головы эту историю. Она была слишком бледной. И выглядела на свои тридцать пять — редкий случай. Они поженились совсем молодыми, и Билли до сих пор помнил, как на четвертом году их супружеской жизни к ним пришел коммивояжер, продававший пылесосы. Как он посмотрел на двадцатидвухлетнюю Хайди Халлек и вежливо спросил: «Девочка, а мама дома?»

— Но аппетит мне ничто не испортит, — сказал Билли. И действительно, несмотря на тревожность и тяжкие думы, он доел весь омлет и бекон. Выпил половину стакана апельсинового сока и улыбнулся жене своей лучшей улыбкой славного парня Билли Халлека. Она попыталась улыбнуться в ответ, но получилось не очень. Он представил, как она держит табличку: «МОЙ УЛЫБАТОР ВРЕМЕННО ВЫШЕЛ ИЗ СТРОЯ».

Он потянулся через стол и взял ее за руку.

— Хайди, все хорошо. И даже если нехорошо, все закончилось.

— Да, я знаю. Я знаю.

— А Линда?..

— Нет. Уже нет. Она говорит... говорит, что подруги очень ее поддерживают.

В первую неделю после случившегося их дочери приходилось несладко. Она возвращалась из школы либо в слезах, либо на грани слез. Она перестала есть. У нее на лице высыпали прыщи. Халлек, полный решимости не горячиться и не паниковать, сходил в школу и поговорил с классным руководителем дочери, с завучем и с любимой учительницей Линды, мисс Ниринг, преподавательницей физкультуры и тренером школьной команды чирлидеров. Он установил (вот отличное юридическое словечко), что Линду дразнят, причем дразнят грубо и не смешно, как это обычно бывает среди ребят в средней школе — и уж точно бес тактно, учитывая обстоятельства, — но чего еще ожидать от подростков, считающих шутки о мертвых младенцах верхом остроумия?

Он повел Линду на прогулку. Все дома на Лантерн-драйв были построены с большим вкусом и стояли вдали от дороги. Стоимость этих домов начиналась примерно с семидесяти пяти тысяч долларов, а в конце ули-

цы, ближе к частному клубу, доходила до двухсот тысяч (там имелись крытые бассейны и домашние сауны).

Линда надела свои старые полосатые шорты, теперь разошедшиеся по шву... и Халлек заметил, что ноги дочки сделались такими длинными и по-жеребьячьи худыми, что из-под шорт снизу выглядывали желтые хлопчатобумажные трусики. Его сердце кольнуло от жалости, смешанной с ужасом. Дочка росла. Она наверняка и сама понимала, что полосатые шорты давно ей малы и вдобавок заношены, но Билли догадывался, почему она их надела: для нее они были связующей ниточкой с безмятежным, счастливым детством, тем самым детством, в котором любимые папочки не предстают перед судом (пусть даже исход заседания известен заранее, поскольку главным судьей выступает твой старый приятель по гольфу Кэри Россингтон, однажды спьяну облапавший твою жену), а ребята из школы не подходят к тебе на большой перемене, чтобы поинтересоваться, сколько дырок в штрафном талоне заработал твой папа, прикончив старушку.

Ты понимаешь, что это был несчастный случай, да, Линда?

Она кивает, не глядя на него. Да, папа.

Она выскочила на дорогу между двумя припаркованными машинами и не смотрела по сторонам. Я уже не успевал затормозить. Просто не успевал.

Пап, я не хочу больше об этом слышать.

Я знаю, да. Я сам не хочу об этом говорить. Но ты все равно слышишь. В школе.

Она с ужасом глядит на него. Папа! Ты же не...

Ходил к тебе в школу? Да. Я ходил. Вчера, но ближе к половине четвертого. Там уже не было никого из детей. Во всяком случае, я их не видел. Никто не узнает.

Она успокаивается. Немножко.

Я слышал, тебя донимали другие дети. Мне очень жаль.

Все не так уж и страшно, говорит она, взяв его за руку. Но ее лицо — свежая россыпь воспаленных прыщей на лбу — говорит совершенно другое. Эти прыщи сразу дают понять, что ее донимали изрядно. Тему отцов, заключенных под стражу, не поднимает даже Джуди Блум (хотя, возможно, когда-нибудь поднимет).*

Еще я слышал, что ты отлично справлялась, говорит Билли Халлек. Не обращала особенного внимания. Потому что если обидчики видят, что им удастся тебя задеть...

Да, я знаю, хмуро отвечает она.

Мисс Нириг сказала, что очень тобой гордится, говорит он. Это маленькая ложь. Мисс Нириг такого не говорила, но она хорошо отзывалась о Линде, а это для Халлека значит не меньше, чем для его дочери. И ложь делает свое дело. Глаза у Линды сверкают, и впервые за время прогулки она смотрит прямо на Халлека.

Она так сказала?

Да, подтверждает он. Ложь дается легко и звучит убедительно. Почему бы и нет? В последнее время он только и делал, что врал.

Она стискивает его руку и благодарно улыбается.

Скоро они от тебя отстанут, Лин. Найдут себе другую жертву. Кто-то из девочек забеременеет, или у кого-то из учителей случится нервный срыв, или кого-нибудь из парней привлекут за торговлю травой или кокасом. И тогда тебя снимут с крючка. Понимаешь?

* Американская писательница, автор книг для подростков, в которых затронуты острые темы, табуированные для детей с точки зрения многих консервативных родителей.

Внезапно она обнимает его, крепко-крепко. Он решает, что она взрослеет не так уж быстро и что не всякая ложь идет во вред. Я люблю тебя, папа, говорит Линда.

Я тоже тебя люблю, Лин.

Он сжимает ее в объятиях, и вдруг у него в голове словно включается мощный стереоусилитель, и он снова слышит двойной удар, первый — когда передний бампер его «девяносто восьмого» сбил старуху цыганку в ярко-красном платке на всклокоченных волосах, и второй — когда большие передние колеса переехали ее тело.

Хайди кричит.

Ее рука падает с его колен.

Он еще крепче обнимает дочь и весь покрывается гусиной кожей.

— Сделать еще омлет? — спросила Хайди, прерывая его воспоминания.

— Нет. Нет, спасибо. — Он виновато взглянул на пустую тарелку. Как бы худо ни шли дела, он никогда не терял ни сна, ни аппетита.

— Ты уверен, что у тебя...

— Все в порядке? — Он улыбнулся. — У меня все в порядке, у тебя все в порядке, у Линды тоже. Как говорят в мыльных операх, кошмар закончился — будем жить дальше.

— Прекрасная мысль. — На этот раз она улыбнулась настоящей улыбкой. Ей вдруг снова стало меньше тридцати, и она вся сияла. — Ты точно не хочешь доесть бекон? Осталось всего два кусочка.

— Нет, — сказал он, памятуя о том, как брюки давят ему на талию (*Какая талия, ты о чем?* — высказался крошечный и совсем не смешной Дон Риклс у него в голове. *В последний раз у тебя была талия году так в семьдесят восьмом, хоккейная ты шайба*) и как ему

пришлось втянуть живот, чтобы застегнуть ремень. Потом он вспомнил про весы и сказал: — Хотя один все-таки съем. Я сбросил три фунта.

Хайди уже подошла к плите, несмотря на его первое «нет». *Она действительно хорошо меня знает*, подумал он, *иногда это прямо угнетает*. Теперь она обернулась к нему.

— Ты все-таки думаешь об этой истории.

— Да нет же, — раздраженно сказал он. — Человеку уже нельзя спокойно сбросить три фунта? Ты сама говоришь, тебе хочется, чтобы я...

отощал

— ...был не таким тучным.

Ну вот, теперь из-за Хайди он снова вспомнил о старом цыгане. *Черт!* Об изъеденном гнилью носе цыгана, о прикосновении шершавого пальца, скользнувшего по его щеке прежде, чем Билли успел среагировать и отшатнуться, как отшатываются от паука или клубка насекомых, копошащихся под трухлявым бревном.

Она поставила перед ним бекон и поцеловала в висок.

— Извини. Худей на здоровье. Но если вдруг не получится, помни, что говорил мистер Роджерс...

— Ты мне нравишься таким, какой есть, — закончили они хором.

Билли взял отложенную «Уолл-стрит джорнэл», но все было как-то уныло. Он поднялся из-за стола, вышел на улицу, подобрал с цветочной клумбы «Нью-Йорк таймс». Мальчишка, разносивший газеты, вечно швырял их на клумбу, постоянно ошибался и никак не мог запомнить фамилию Билли. Халлек не раз задавался вопросом, бывает ли болезнь Альцгеймера у двенадцатилетних детей.

Он вернулся в кухню, развернул газету на спортивной странице и принялся за бекон. Он как раз изучал турнирную таблицу по боксу, когда Хайди поставила перед ним тарелку со второй половиной булки, золотистой от подтаявшего масла.

Халлек сам не заметил, как съел ее всю.

Глава 2: 245

Судебный процесс по делу о возмещении ущерба, тянувшийся больше трех лет — и грозивший затянуться *еще* года на три, если не на четыре, — завершился внезапно и самым что ни на есть наилучшим образом во время полуденного перерыва, когда ответчик неожиданно согласился выплатить сумму, ошеломившую всех. Халлек не растерялся и предложил ответчику, производителю краски из Скенектади, подписать заявление о намерениях прямо здесь, в кабинете судьи. Изумленный адвокат ответчика в ужасе наблюдал, как его клиент, президент компании по производству красок «Счастливым случаем», ставит подпись на всех шести копиях заявления, а судебный нотариус тут же их заверяет, добродушно сверкая лысиной. Билли сидел затаив дыхание, боялся пошевелиться и чувствовал себя так, словно выиграл в Нью-Йоркскую лотерею. Еще до обеда все было улажено.

Билли пригласил своего клиента в «О’Ланни», заказал ему большой стакан «Чивас», себе взял мартини, а затем позвонил домой Хайди.

— Мохонк, — сказал он, как только она взяла трубку. Это был небольшой, но очень славный курортный городок к северу от Нью-Йорка, где они с Хайди давным-давно провели свой медовый месяц — пода-

рок от ее родителей. Они оба влюбились в это местечко и потом еще дважды там отдыхали.

— Что?

— Мохонк, — повторил он. — Если ты не поедешь, я приглашу Джиллиан из конторы.

— *Ну уж нет!* Билли, что происходит?

— Так ты хочешь поехать?

— *Конечно, хочу!* На выходных?

— Завтра, если договоришься с миссис Бин, чтобы она заходила к Линде и проверяла, вымыта ли посуда и не творятся ли в гостиной оргии. И если...

Его заглушил радостный вопль Хайди:

— Твой процесс, Билли! Пары краски, и нервное расстройство, и психотические симптомы, и...

— Канли готов возместить ущерб. Фактически все уже решено. После четырнадцати лет юридической тягомотины и судебных решений, не значащих почти ничего, твой супруг наконец выиграл дело в пользу хороших парней. Убедительно, чисто и неоспоримо. Канли повержен, а я на седьмом небе.

— Билли! Божечки! — На этот раз она завизжала так громко, что в трубке заскрежетало. Билли улыбнулся и убрал трубку подальше от уха. — Сколько получит твой клиент?

Билли назвал сумму, и ему пришлось убрать трубку от уха почти на пять секунд.

— Как думаешь, Линда сильно обидится, если мы смоемся дней на пять?

— Ты шутишь? С чего бы ей обижаться? У нее будет возможность смотреть телевизор допоздна и пригласить на ночь Джорджию Дивер, чтобы болтать о мальчишках и объедаться моим шоколадом. Сейчас там, наверное, холодно, Билли? Думаю, надо взять

твой зеленый свитер? Ты возьмешь теплую куртку или джинсовый пиджак? Или и то и другое? Ты...

Он сказал, чтобы она решала сама, и вернулся к клиенту. Тот выпил уже половину большого стакана виски и желал травить польские анекдоты. Выглядел так, словно его огрели пыльным мешком. Халлек потягивал свой мартини и вполуха слушал избитые шутки о польских плотниках и польских трактирщиках, уносясь мыслями в дальние дали. Выигранный процесс может стать поворотной точкой в его карьере; конечно, рано еще говорить о грядущем стремительном повышении, но такой вариант вовсе не исключен. Очень даже неплохо для дела из той категории, за которую крупные фирмы берутся в качестве благотворительности. А значит, можно надеяться, что...

...первый удар бросает Хайди вперед, ее рука невольно сжимается на его члене; он смутно чувствует боль в паху. От силы удара ее ремень безопасности блокируется. Кровь брызжет вверх — три капли размером с мелкие монетки — и падает алым дождем на ветровое стекло. Хайди еще не кричит; она закричит позже. Он тоже не сразу соображает, что происходит. Понимание приходит на втором ударе. И он...

...залпом допил свой мартини. На глаза навернулись слезы.

— Все хорошо? — спросил его клиент Дэвид Даганфилд.

— Вы даже не представляете, как хорошо, — ответил Билли и протянул ему руку. — Мои поздравления, Дэвид. — Он не будет думать об этой аварии, не будет думать о старом цыгане с гниющим носом. Он настоящий хороший парень, что подтверждает и крепкое рукопожатие Даганфилда, и его усталая, чуть глуповатая улыбка.

— Спасибо, дружище, — сказал Даганфилд. — Большое спасибо.

Он вдруг перегнулся через стол и неуклюже обнял Билли Халлека. Билли приобнял его в ответ. Но когда руки Дэвида Даганфилда сомкнулись у него на шее и одна ладонь случайно задела щеку, ему снова вспомнилась жутковатая ласка старого цыгана.

Он ко мне прикоснулся, подумал Халлек и, даже обнимая клиента, невольно поежился.

По дороге домой он старался думать о Дэвиде Даганфилде — отличная тема для размышлений, — но на подъезде к мосту Трайборо с удивлением понял, что думает вовсе не о Даганфилде, а о Джинелли.

Сегодня он пригласил Даганфилда в «О’Ланни», хотя первым делом подумал о ресторане «Три брата», негласным совладельцем которого был Ричард Джинелли. Сам Билли уже несколько лет не захаживал к «Братьям» — учитывая репутацию Джинелли, это было бы неразумно, — но до сих пор в первую очередь вспоминал именно о «Трех братьях», где вкусно кормили и где он замечательно проводил время, хотя Хайди никогда не нравился ни ресторан, ни сам Джинелли. Билли казалось, что она его боится.

Когда он проезжал мимо съезда на Ган-Хилл-роуд, его мысли вполне предсказуемо вернулись к старому цыгану, как старый конь возвращается в свое стойло.

Джинелли был первым, о ком ты подумал. Когда ты вернулся домой в тот день и Хайди плакала, сидя на кухне, Джинелли был первым, о ком ты подумал. «Привет, Рич, я сегодня убил старушку. Можно заехать к тебе? Надо поговорить».

Но Хайди сидела в соседней комнате, и Хайди бы этого не поняла. Рука Билли, потянувшаяся к телефо-